

Jacques G. Textes tangoutes I. Nouveau recueil sur l'amour parental et la piété filiale. — München : Lincom Europa, 2007 (Languages of the World/Text Collections, 25). — [2], 168, [1] p.

Число работ по тангутоведению пополнилось монографией французского исследователя Гийома Жака, посвященной уникальному тангутскому тексту — рукописи из коллекции П.К. Козлова, на титульном листе которой значится 旃倕遲毛云脾幹 (в переводе Г. Жака — «Новое собрание о родительской любви и сыновней почтительности», в переводе К.Б. Кепинг — «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Последняя цзюань»). Монография вызывает несомненный интерес. И не только потому, что европейские исследователи редко обращаются в своих работах к вопросам тангутоведения, а тем более публикуют переводы памятников тангутской письменности, но и потому, что Г. Жак дает нам возможность ознакомиться с оригинальным тангутским текстом памятника, кропотливо восстановленным им по рукописи и сопровождаемым подстрочным комментарием к каждому знаку. Такой анализ «знак за знаком» позволяет лучше изучить язык памятника в целом (а не на отдельных примерах), его морфологию и синтаксис. Кроме того, публикация реконструкции текста вместе с переводом и подстрочным комментарием может служить и в учебных целях — в качестве великолепной хрестоматии при изучении мертвого тангутского языка.

Сочинение «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим» представляет собой сборник коротких рассказов в жанре *лэйшу* (類書), извлеченных из различных китайских сочинений и объединенных одной темой — идеальные (в конфу-

цианском смысле слова) отношения между родственниками (как кровными, так и по браку). Рукопись не датирована, однако, по косвенным данным, она может быть отнесена к периоду годов правления Тянь-цин (1194–1206) тангутского императора Чунь-ю. В дошедшую до нас последнюю *цзюань* сочинения входят 44 рассказа, распределенные по восьми разделам. Составителем и переводчиком является 峙瓦犧. Его китайское имя точно не отождествлено и может передаваться как Цао Дао-ань (曹道安) или Цао Дао-лэ (曹道樂). Ранее считалось, что текст рукописи не является переводом на тангутский язык какого-то конкретного китайского сочинения, однако это предположение оказалось не вполне верным. Уже после выхода в свет монографии Г. Жака Не Хун-инь показал, что в качестве образца был использован текст Сыма Гуана (司馬光) «Семейные правила» (家範, «Цзя Фань»), откуда были извлечены первые, «основные», истории, дополненные затем сюжетами из других китайских исторических сочинений (*Nie Hongyin. Family Models: The Model of the Tangut Work Newly Collected Biographies of Affection and Filial Piety* // Письменные памятники Востока. 2008. № 2(9). С. 237–242).

Текст памятника был введен в научный оборот К.Б. Кепинг, опубликовавшей факсимильное издание рукописи, перевод текста на русский язык и комментарий к нему («Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Последняя цзюань». Факсимиле рукописи. [М., 1990]). В дальнейшем к тексту памятника обратился Не Хун-инь.

В небольшой статье, изданной в 1995 г., он указал китайские источники рассказов, не отождествленные К.Б. Кепинг (кроме рассказа № 18 — о нем чуть ниже), а в другой, вышедшей в 1999 г., опубликовал перевод памят-

ника на китайский язык (без научного комментария). Этот перевод (в отличие от перевода К.Б. Кепинг), по-видимому, не использовался Г. Жаком, поскольку его нет в библиографии (с. 8–9).

Французский перевод памятника, выполненный Г. Жаком, отнюдь не повторяет перевод К.Б. Кепинг, а является самостоятельным, что проявляется в отличиях между ними, порой достаточно серьезных. Это объясняется тем, что грамматика и лексика тангутского языка изучены еще недостаточно, во многих случаях возможен лишь предположительный перевод, а иногда и он невозможен. За годы, прошедшие с публикации первого перевода, тангутоведение продвинулось далеко вперед — были опубликованы два больших словаря тангутского языка, новые исследования по грамматике, новые переводы текстов. Все это позволило Г. Жаку выполнить свой перевод на качественно новом уровне: исправить и уточнить значения, предложить свои интерпретации спорных мест, а также перевести то, что ранее оставалось непереуведенным. Например, в предложении 卿挺衫啾惹梯捷侮坤喋奸 из рассказа № 5 последние шесть знаков были оставлены К.Б. Кепинг без перевода, поскольку общий смысл фразы был неясен: «[Он] помогал бедным и слабым...» В комментарии к переводу дано буквальное значение непереуведенных знаков: «деньги вещи земля трава оценивать» (?) («Вновь собранные записи...». С. 40). Г. Жак дает полный перевод этого места (с. 22): *il portait assistance aux pauvres et aux faibles avec son argent, ses biens et ses terres* («Он оказывал помощь бедным и слабым своими деньгами, своими вещами (имуществом) и своими землями»). Вместе с тем мы полагаем, что полный вариант перевода, предложенный Не Хун-инем, выглядит более убедительно: 救助贫弱, 视钱财如沙草 («[Он] помогал бедным [и] слабым, расценивая богатство (имущество) как песок [и/или] траву») (Не Хун-инь. Сисяэнь «Синьцизи цы сяо чжуань» шиду // Нинся Дасюэ сюэбао (Чжэсюэ, шэхуй кэсюэбань). 1999. Т. 21. № 2. С. 43).

Рецензируемая монография состоит из трех разделов: введения (с. 2–9), реконструкции и перевода текста (с. 10–110) и указателя (с. 111–166). Во **введении** автор указывает причины, по которым он обратился именно к этому памятнику, — разнообразное содержание и

множество диалогов в тексте позволяют исследовать согласование тангутского глагола с субъектом (агенсиом) или объектом действия; перевод рассказов с китайского выполнен в свободной манере (а не буквально, как это характерно для переводов буддийских сочинений), поэтому язык памятника более соответствует нормам собственно тангутского языка. Здесь же обосновывается новизна исследования — полная реконструкция тангутского текста с подстрочным комментарием к каждому знаку. Указывается, что работа выполнена с учетом предшествующих исследований памятника, основными из которых являются работы К.Б. Кепинг и Не Хун-иня. Дается краткое описание текста памятника (тангутский текст содержит 5936 знаков, из них 1055 — различны) и проделанной работы. Завершают вводную часть небольшой очерк глагольной системы тангутского языка (*le système verbal du tangoute*) и библиография (18 наименований).

Реконструкция и перевод текста. Данный раздел монографии содержит перевод памятника на французский язык, сопровождаемый реконструкцией тангутского текста с подстрочным комментарием к каждому знаку. Комментарий состоит из четырех строк и содержит номер знака в «Тангутско-китайском словаре» Ли Фань-вэня, его чтение в фонетической реконструкции Гун Хуан-чэна, цифровое обозначение тона и рифмы, китайское значение тангутского знака либо буквенно-цифровое обозначение для некоторых грамматических (служебных) морфем. Для глаголов с чередованием гласных в основе (*les verbes à alternance*) указывается номер основы ① или ②. Грамматические показатели, функция которых еще не до конца ясна, помечаются знаком △. Кроме того, каждый рассказ предваряется фрагментом (!) из оригинального китайского сочинения, послужившего источником для тангутского перевода, что позволяет непосредственно сравнить оба текста в случае такой необходимости.

К большому сожалению, китайские соответствия для тангутских знаков в подстрочном комментарии и фрагменты из китайских сочинений воспроизведены упрощенными иероглифами, что, на наш взгляд, ино-

гда может вызывать некоторую смысловую путаницу.

Остановимся подробнее на рассказе № 18, китайский источник которого Г. Жак, вслед за К.Б. Кепинг и ранними публикациями Не Хун-иня, называет неизвестным (с. 53). Как мы уже упоминали, образцом для сочинения послужил текст Сыма Гуана «Семейные правила», что было обнаружено совсем недавно. В этом же тексте был найден и источник рассказа № 18, что позволило наконец отождествить китайское имя персонажа истории, транскрибированное тангутскими знаками 區柿, и его должность, транскрибированную знаками 海北延, как Хань Хуан (韓滉) и *минчжанши* «тот, кто упорядочивает дела и приводит их в надлежащее состояние» (平章事) соответственно. Примечательно, что, даже не зная источника этого рассказа, Г. Жак абсолютно верно восстановил должность Хань Хуана (у К.Б. Кепинг — *бинчунши*).

Заключительным разделом монографии является подробный **указатель**, содержащий 1055 тангутских знаков, т.е. все знаки, встречающиеся в тексте. Знаки расположены по возрастанию их номеров в словаре Ли Фань-вэня и сопровождаются чтением в фонетической реконструкции, цифровым обозначением тона и рифмы, китайским и французским значениями, а также адресами всех мест в тексте памятника, где эти знаки встречаются. Очевидно, что указатель является одновременно и небольшим тангутско-китайско-французским словарем к тексту памятника. Отметим, что такой указатель составлен впервые (в публикации К.Б. Кепинг — отсутствует).

К сожалению, в тексте присутствует некоторое количество опечаток (в основном в тангутских знаках), однако это не умаляет научной ценности монографии. Список опечаток, выявленных автором, и исправления к тексту монографии доступны на персональном сайте Г. Жака [Errata. URL: <http://xiang.free.fr/errata-cixiao.pdf>].

Объем работы, проделанной Г. Жаком в ходе восстановления тангутского текста и сопровождения каждого знака подстрочным комментарием, впечатляет. Поскольку монография имеет заголовок «Тангутские тексты I», можно надеяться, что автор продолжит публикацию памятников тангутской письменности в

выбранном им удачном формате представления материала.

В.П. Зайцев

Какхун. Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чоң) / Исследование, перевод с ханмуна, комментариев и указатели Ю.В. Болтач. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. — 184 с.

«Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря», написанные в начале XIII в. буддийским историком Какхун, представляют собой один из старейших сохранившихся до наших дней памятников корейской изящной словесности, отличающийся высокими литературными достоинствами. Кроме того, это сочинение, наряду с «Историческими записями трех государств» (1145) и «Делами, опущенными в „Исторических записях трех государств“» (1285), является важным источником информации о ранней истории буддизма в Корее.

Научное изучение «Жизнеописаний...» началось в 1910-х годах, когда был заново открыт текст этого памятника. Сочинение Какхуна неоднократно публиковалось на языке оригинала, а также переводилось на корейский, японский и английский языки. Перевод «Жизнеописаний...» на русский язык, однако, до сих пор не существовало, хотя содержание и литературные особенности этого памятника были кратко проанализированы нами в «Очерках истории корейской литературы до XIV в.» (М., 1969; в соавторстве с М.И. Никитиной), а также в «Истории корейской традиционной литературы» (СПб., 2004).

Монография Ю.В. Болтач, впервые представляющая русскоязычному читателю полный текст «Жизнеописаний...», открывается вводной статьей, первая глава которой содержит изложение основных фактов ранней истории буддизма в Корее в связи с сюжетами анализируемого памятника. Следующая глава посвящена обзору сохранившихся до наших дней сведений о составителе «Жизнеописаний...», а также рассмотрению литературных произведений, на которые опирался автор этого сочинения. Реконструируя биографию Какхуна, Ю.В. Болтач, между про-

чим, высказывает интересное предположение о точном времени создания «Жизнеописаний...». К сожалению, она не приводит здесь весьма интересные данные, полученные в ходе текстологического сопоставления «Жизнеописаний...» с первоисточниками, поскольку результаты этого исследования уже опубликованы ею отдельно в серии статей (ИПВ. 2006, № 1[4]; 2007, № 1[6]; 2009, № 2[11]). Третья глава вводной статьи содержит изложение дальнейшей истории памятника, а также краткую характеристику основных доступных современным исследователям текстовых вариантов произведения Какхуна. В последующих главах разрабатывается оригинальная типологическая классификация биографий, составляющих «Жизнеописания...», а также проводится исследование языка памятника. В заключительной части введения рассматриваются различные методологические проблемы, с которыми неизбежно приходится сталкиваться при переводе такого сложного текста, каким является сочинение Какхуна, и намечаются пути их решения.

Предлагаемый в основной части монографии перевод «Жизнеописаний...» верен букве и духу оригинала и написан хорошим русским языком. Во всех спорных случаях Ю.В. Болтач четко аргументирует свои варианты интерпретации текста. Перевод сопровождается обширным (свыше тысячи примечаний) комментарием, дающим читателю необходимую для понимания текста памятника фактическую информацию. В сносках отмечены расхождения между различными текстовыми вариантами памятника, а также даны толкования малоизвестных буддийских терминов. Особо хотелось бы отметить детально проработанные библиографические отсылки к современным критическим изданиям и русским переводам упоминаемых в тексте «Жизнеописаний...» литературных произведений, позволяющие использовать комментарий как предметный библиографический указатель. Пользование комментарием сильно облегчается удобным постраничным расположением сносок.

Заключительный раздел работы составляют приложения, в число которых входят списки литературы и указатели.

Книга содержит 16 листов цветных иллюстраций, на которых представлены исторические места, связанные с сюжетами «Жизне-

описаний...». Многие из этих фотографий имеют значительную научную ценность.

В целом монография отличается тщательностью проработки материала, четкостью изложения фактов, ясностью стиля и может быть рекомендована буддологам, историкам, литературоведам, а также всем, интересующимся традиционной культурой Кореи.

А.Ф. Троицкий

Пан Ин. Текстология китайского классического романа («Речные заводы» и «Сон в красном тереме») / Сост. Т.А. Пан. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2008. — 351 с.

«Текстология китайского классического романа („Речные заводы“ и „Сон в красном тереме“») является сборником научных трудов преподавателя кафедры филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ доцента Пан Ина (1928–2009), много лет посвятившего изучению китайской средневековой прозы. Книга состоит из двух больших частей: часть 1 — «К истории создания китайского классического романа „Речные заводы“» (с. 12–188) и часть 2 — «Текстологические исследования по новеллам-хуабэнь и роману „Сон в красном тереме“» (с. 189–351). Первая часть книги посвящена одному из самых популярных в Китае романов, который тесно связан с историографической и фольклорной традициями. Пан Ин дает характеристику исторических источников, где упоминаются имена и события, связанные с известным восстанием 1120–1121 гг. под предводительством Сун Цзяна (с. 32–56). Исследователь впервые показал значение для эволюции сюжета романа «Речные заводы» стихотворного комментария Гун Шэньюя к 36 портретам героев во главе с Сун Цзяном и дал перевод этого важного памятника. Пан Ин обнаружил в четверостишиях свидетельства формирования в обществе представлений об устойчивых чертах телесного и духовного облика героев Ляншаньбо, которые были восприняты Ши Найанем при создании знаменитого романа «Речные заводы». Автор рецензируемой книги уделил особое внимание и памятнику *тинхуа* «Забытые события годов правления Сюань-хэ Великой Сун»,

а также юаньским пьесам (XIII–XIV вв.), посвященным восстанию Сун Цзяна. Известны названия 33 пьес такого рода, но сохранилось лишь шесть произведений, которые также впервые даны в русском переводе (с. 57–126).

В работе представлены достижения китайских ученых по исследованию романа «Речные заводи» (до 1980 г.) и разные мнения исследователей по поводу его авторства. Делая свою точку зрения об авторстве Ши Найяня, Пан Ин опирается исключительно на китайские источники, тем самым наглядно демонстрируя методiku китайской текстологической науки. В своей работе автор пользуется и методикой российской текстологической науки. Такое сочетание двух научных подходов делает монографию незаменимым пособием по текстологии китайского средневекового романа. Эта часть книги была защищена Пан Ином в качестве кандидатской диссертации в 1978 г., и в нее не включены последние работы по китайскому литературоведению.

Во второй части книги собраны ранее опубликованные статьи Пан Ина, в основном касающиеся рукописи романа «Ши тоу цзи», хранящейся в коллекции Института восточных рукописей РАН (ранее — СПбФ ИВ РАН). Текстологический анализ этого списка доказывает, что рукопись является автографом Цао Сюэциня. Пан Ин впервые в российской науке обратился к текстологическому исследованию романа, привлекая для этого несколько вариантов произведения. В статьях раскрываются проблемы новаторства художественного метода Цао Сюэциня и его связь с китайской литературной традицией, при этом Пан Ин выявляет историческую достоверность художественного мира, воссозданного в романе «Сон в красном тереме». Следует особо отметить статью «О табуированных иероглифах в списке романа „Сон в красном тереме“», в которой представлена методика датировки текста и решается вопрос авторства романа по наличию в нем табуированных на определенный момент иероглифов, входящих в имена императора или родоначальника семьи (с. 224–228). Подборка статей по текстологическому исследованию рукописи романа «Сон в красном тереме» является прекрасным пособием по использованию китайского метода изучения ранних текстов, основанного на детальном и

четком комментировании слов, иероглифов и их начертаний (с. 229–251).

При подготовке данной монографии составителем были сохранены цитаты из китайского текста, которые в свое время были вписаны в оригинал самим автором, известным своей каллиграфией. Наличие иллюстративного китайского материала в приложениях к первой части работы, а также к отдельным статьям во второй части станет наглядным пособием по текстологии и истории китайского романа.

Ю.В. Болтач

Ши Цзинь-бо. Си Ся шэуэй (Общество Си Ся). В 2 т. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2007. — 979 с.

Книга Ши Цзинь-бо — академика Академии общественных наук КНР в известной мере подвела итог не только его личному, более чем 40-летнему опыту изучения Тангутского государства Ся (Си Ся), но и достижениям всего китайского тангутоведения и тангутоведения за пределами Китая. Книга состоит из предисловия, введения, 23 глав и заключения. Написана она на базе китайских письменных источников, памятников тангутской письменности (автор широко использует оригинальные тангутские документы, написанные в основном скорописью и трудно поддающиеся прочтению), результатов археологических исследований на территории бывшего государства Ся, изучения пещерных храмов Дуньхуана, результатов работ зарубежных тангутоведов. Автор хорошо знает коллекцию письменных памятников Си Ся из мертвого города Хара-Хото, хранящуюся в Институте восточных рукописей РАН, многократно бывал в Ленинграде/Санкт-Петербурге и является одним из ответственных редакторов издания наиболее ценной части этой коллекции шанхайским издательством «Древняя книга» («Гуцзи чубаньшэ»).

Перечень глав: гл. 1. Этносы; гл. 2. Сельское хозяйство; гл. 3. Скотоводство и охота; гл. 4. Ремесла; гл. 5. Торговля и залоговое (заемное) право; гл. 6. Структура общества; гл. 7. Право; гл. 8. Чиновничество; гл. 9. Армия; гл. 10. Культура и образование; гл. 11. Искусство; гл. 12. Наука и техника; гл. 13. Религия и верования; гл. 14. Пища и питье; гл. 15. Одежда; гл. 16. Жилища; гл. 17. Ад-

министративное деление и транспорт; гл. 18. Браки; гл. 19. Женщины; гл. 20. Рождение и медицинское обслуживание; гл. 21. Погребальные обряды; гл. 22. Обряды и обычаи; гл. 23. Потомки Си Ся. Книга хорошо иллюстрирована.

Во введении — «Дансяны, Си Ся, пятьсот лет истории» рассказывается о переселении дансянов из современной Северо-Западной Сычуани на юг Ордоса, создании дансянского (тангутского) государства и излагается в общих чертах его история. Заслуживает внимания вопрос о наименовании Тангутского государства. Ши Цзинь-бо напоминает читателю, что современные Си Ся государства меняли свои названия: Сун и Великое Сун (Китай), Кидань, Ляо и Великое Ляо (кидани), Цзинь и Великое Цзинь (чжуржэни). Менялись наименования и государства тангутов. Основой было наименование города Сячжоу, в прошлом, за 600 лет до образования Си Ся, г. Тунвэньчэн, столица государства Великое Ся гунна Хэлянь-бобо. Кидани первыми дали основателю (Тай-цзу) тангутской династии Цзи-цяню титул вана государства Ся. Приняв в 1038 г. императорский титул, внук Цзи-цяня Юань-хао назвал свое государство Да Ся (Великое Ся). Да Ся го было тангутским наименованием государства. Название Си Ся вошло в употребление за его пределами с начала XI в. оттого, как полагает Ши Цзинь-бо, что оно находилось западнее Сун, Ляо и Цзинь. Это неофициальное название, которое сохранилось и до наших дней. Источники сообщают и другие наименования Ся: Да бай гао го (Великое белое высокое государство) и Бай гао Да Ся го (Белое высокое великое государство Ся). Существует несколько интерпретаций этого наименования. Ши Цзинь-бо придерживается традиционного, от наименования реки Бай (Белой), места происхождения предков дансянов. Он подчеркивает, что оно употреблялось только в пределах Тангутского государства и нет свидетельств использования его

во взаимоотношениях с Сун, Ляо и Цзинь. В Тангутском Кодексе середины XII в. Тангутское государство называется Ми го, Государством тангутов (*ми* — самоназвание Тангутов), по аналогии с Цидань го (Государством киданей).

Ценными являются хронологические таблицы царствования тангутских императоров, в особенности приводимые Ши Цзинь-бо их написания по-тангутски. Он касается непростой проблемы тангутов-сяньби, полагая, что в процессе совместной жизни сяньби стали частью тангутов. Ши Цзинь-бо справедливо подчеркивает, что тангуты-дансяны жили не только в государстве Ся, но были также подданными государств Ляо и Сун. Он выделяет особую роль китайцев в процессе образования и в жизни Тангутского государства. Говоря об этносах многонационального Тангутского государства, он не упоминает встречающихся в тангутских источниках *шаньгхо*, этническая принадлежность которых до сих пор не установлена. Они жили в горных районах на юге Ся, на границе с Тибетом, и были известны посевами гречихи.

Весьма информативны все главы, отведенные экономике Ся: сельскому хозяйству (включая важный раздел об орошаемом земледелии и оросительных каналах, часть которых сохранилась со времен Тан), скотоводству и охоте. Крестьяне платили поземельный налог натурой (зерном) и так называемый налог «травой». Ши Цзинь-бо трактует его как поставки соломы разных культур, объем повинности определялся вязанками. Хотя нельзя исключать и поставок настоящей травы (сена). Еще один вид повинности-отработки — привлечение на разные общественные работы. Ши Цзинь-бо замечает, что есть упоминания и о подушном налоге, и он прав в том отношении, что сведений о подушном налоге мало и ясности с практикой взимания этого налога нет.

Ши Цзинь-бо касается важной, особенно для работы с документами, проблемы оценки мер площади, длины, объема и веса, использовавшихся в Ся. Он склоняется к тому, что в Ся в основном использовались танские, а не сунские меры, и справедливо полагает, что этот вопрос должен быть еще доисследован.

Глава о ремеслах богато иллюстрирована находками керамики Ся, имевшей свою отчетливую специфику, изделий из бронзы, золота, серебра и железа. Указывается на богатство железорудных месторождений Ся и высокое мастерство тангутских кузнецов и оружейников.

В разделе о торговле, говоря о купле-продаже людей, Ши Цзинь-бо считает таковую «остатками рабовладельческого строя в тангутском феодальном обществе». Ши Цзинь-бо полагает тангутское общество «феодалным», когда есть знать и простолюдины, помещики и крестьяне, хозяева скота и пастухи. Строго говоря, в Тангутском государстве, как и в современном ему Китае, оформленных действующим правом в сословие помещиков в нашем понимании не было. И крестьяне и крупные землевладельцы представляли собой единую правовую группу «хозяев», «хозяев земли».

Я полностью согласен с тем, что пишет Ши Цзинь-бо об отсутствии в Тангутском государстве национальной вражды и равенстве прав лиц разной этнической принадлежности на службе.

Частное рабовладение было представлено в Ся лично несвободными людьми *пхинга* и *нини* (*пхинга* — мужчины, *нини* — женщины), что я полагаю близкой аналогией китайским танским *буцзой* и *кэной*. Это было домашнее рабство, *пхинга* и *нини* в памятниках права в ряде случаев упоминаются вместе с членами семьи, в собственности которой они состояли. Для Тангутского государства, помимо людей рабского состояния, было характерно массовое прикрепление производителей к местам производства и проживания, за самовольную смену которых наказывали смертной казнью. Часть таких людей, в особенности в государственных хозяйствах разного рода, можно было бы назвать государственными крепостными. Тангутское государство во многом выросло из недр танского Китая. И в нем, как и в танском Китае, основой господствующего класса было служилое сословие, гражданские и военные чиновники, армейские командиры. Ши Цзинь-бо отмечает сложность системы служебных рангов в Тангутском государстве. В сфере людей лично свободных имеющие ранг люди противостояли людям простым, не имеющим ранга. По многим причинам, даже при наличии великолепных памятников тангутского материального права, характеризовать точно и емко социальную природу такого государства, как тангутское, со сложным переплетением родоплеменных, патриархальных, рабовладельческих и крепостнических отношений, с воплощением, как и в Китае, господствующего

класса в бюрократии, при отсутствии в этих памятниках отдельно оговоренных прав родовой аристократии, очень трудно.

Рецензируемая книга во многом похожа на своеобразную энциклопедию по экономике, культуре и социальным характеристикам Тангутского государства. Она — большое достижение не только автора, руководимого им Центра по изучению культуры Си Ся при Академии общественных наук КНР, но и всего китайского тангтоведения, включая тайваньское. Ряды китайских тангтоведов ныне многочисленны, а география изучения Си Ся охватывает весь Китай. Академик Ши Цзинь-бо впервые отправился в Дуньхуан искать материалы о Си Ся осенью 1964 г. вместе с Бай Бинем под руководством проф. Ван Цзин-жу, ветерана первого поколения китайских тангтоведов 1930-х годов. Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Ли Фань-вэнь, Чэнь Бин-ин, ныне покойный Хуан Чжэн-хуа, более молодой Не Хун-инь были первым отрядом китайских тангтоведов, руководимых Ван Цзин-жу, которые резко двинули вперед изучение Си Ся в Китае, сделали его действительно массовым. Стимулировавшие этот прорыв тангтоведческие исследования в Японии и СССР, разумеется, массовыми стать не смогли. И данная книга и другие книги Ши Цзинь-бо, в частности «История буддизма в Си Ся», во многом определили и определяют и его личный успех, и впечатляющие успехи китайского тангтоведения.

Е.И. Кычанов

Васильева О.В. Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. — 132 с., 121 ил.

Издание персидской книжной живописи (миниатюр) всегда становилось заметным событием в научном мире. Миниатюра как один из наиболее ярких элементов иранской книжной культуры привлекала внимание не только искусствоведов, но и исследователей восточных рукописей, текстологов, этнографов, историков средневекового Ирана, многих образованных читателей в России и за ее пределами. То, что составители художе-

ственных альбомов выступали, как правило, в нескольких ипостасях, делало их публикации авторитетными и одинаково увлекательными для разной аудитории.

Изучение иранских иллюминированных рукописей в Ленинграде/Санкт-Петербурге начинала с 60-х годов XX в. сосредоточено в трех центрах — Государственном Эрмитаже (Л.Т. Гюзальян, А.А. Иванов, А.Т. Адамова), СПбФ ИВ РАН — ИВР РАН (О.Ф. Акимущин) и в Российской национальной библиотеке (Г.И. Костыгова, О.В. Васильева). Параллельно с исследованием и изданием миниатюр проводилось освоение других важных элементов художественного оформления рукописей (каллиграфии, переплета, орнаментального убранства), изучение средневековых трактатов о каллиграфах и художниках. В большинстве случаев специалисты пользовались материалами рукописных коллекций по месту своей постоянной работы.

Альбом О.В. Васильевой «Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки» представляет собой обзор наиболее выдающихся шедевров искусства оформления книги Ирана в коллекциях Отдела рукописей РНБ. Работа состоит из предисловия, шести глав и библиографии.

В предисловии даны краткий обзор истории книжного искусства в Иране, очерк формирования коллекции персидских рукописей в РНБ и его изучения. Первые четыре главы посвящены анализу элементов художественного оформления рукописной книги (переплету, каллиграфии сопроводительного текста, иллюминации, миниатюре). Для рассмотрения эволюции искусства оформления мусульманской книги такой подход вполне традиционен и помогает читателю лучше ориентироваться в комплексе существующих проблем.

Две последние главы книги, посвященные альбомам *муракка* и шедеврам книжного искусства эпохи правления сефевидского шаха Тахмаспа I, предлагают читателю оценить некоторые из шедевров коллекции под необычным углом — увидеть в рукописях не искусство отдельных мастеров, работавших над созданием различных элементов книги, но взглянуть на книгу как на памятник искусства, в котором совокупность столь различных на первый взгляд художественных

приемов призвана создать единое целое, все составные части которого пребывают в эстетической гармонии друг с другом. Следует отметить, что такой подход прежде не применялся при изучении персидских шедевров РНБ и знаменует новую, более высокую ступень исследования.

Многие миниатюры и элементы оформления рукописей, помещенные в альбоме, ранее не публиковались, что увеличивает научную ценность издания.

Несомненными достоинствами исследования О.В. Васильевой являются глубокое знание предмета, основанное на тщательной проработке отечественной и зарубежной литературы о художественном оформлении персидской рукописной книги и богатым личным опытом работы с материалом, а также увлекательность изложения, позволившая донести специфику иранского книжного искусства и до читателя, прежде незнакомого с ним. Таким образом, альбом предназначен для широкой аудитории и адресован не только специалистам в области иранского (и в более широком плане — мусульманского) книжного искусства. Хочется отметить эмоциональное отношение автора к предмету, стремление поделиться с читателем не только научной информацией, которой в работе собрано много, но и преклонением перед красотой памятника и искусством создавших его мастеров.

К немногочисленным недостаткам издания можно отнести отсутствие указания размеров оригинала в подписях к иллюстрациям, что не позволяет читателю составить представление о реальных размерах памятника. Другой недостаток относится к области полиграфии: не везде адекватно переданы цвета оригиналов, особенно в воспроизведении многоцветных миниатюр. Общий дизайн книги, впрочем, весьма удачен, особенно хочется отметить оригинальное оформление обложки. Следует также упомянуть, что издание было отмечено на Санкт-Петербургском международном книжном салоне 2009 г.

Прилагаемый к основной части альбома английский перевод русскоязычного текста адекватно передает его содержание и расширяет потенциальную читательскую аудиторию.

В собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится множе-

ство памятников, которые до сих пор мало изучены и неизвестны широкому кругу исследователей. Богато иллюстрированный альбом шедевров персидского книжного искусства, который составила О.В. Васильева, несомненно, усилит интерес и внимание специалистов к рукописным коллекциям РНБ.

А.И. Колесников, О.М. Ястребова
Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга. Свитки, кодексы, документы. — СПб.: Арка, 2008. — 264 с.

Эта прекрасно иллюстрированная книга (по форме своей — альбом, таково и ее определение автором, с. 10, 14, 15) знакомит читателя со связанными с еврейской историей и культурой письменными документами, которые хранятся в первую очередь в Российской национальной библиотеке (РНБ) и в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения Российской Академии наук (СПбФ ИВ РАН — сегодня Институт восточных рукописей РАН [ИВР РАН]). Коллекция Российского Этнографического музея представлена фотографиями шести артефактов (№ 45–48, 110, 127). Согласно предисловию (с. 12), этот альбом является первым томом издания «Оцар нехмад — многогранное сокровище» (это название фигурирует на шмуцтитуле, с. 2).

Книга состоит из следующих частей: «История формирования коллекций» (с. 16–47), «Азиатский музей» (с. 48–65), «Искусство еврейской рукописной книги» (с. 66–127), «Книги людей Писания» (с. 128–235), «Вместо эпилога...» (с. 236–237) — и приложений.

В первой части рассказывается о приобретении в 1858–1859 гг. тогда еще Императорской Публичной библиотекой греческих библейских рукописей у Константина Тишендорфа, о возникновении обоих собраний рукописей караимского «наставника» Авраама Фирковича и собрания архимандрита Антонина, о приобретении этих коллекций Императорской библиотекой в 1862 и 1876 гг., а также о первом хранителе и исследователе этих рукописей Аврааме Гаркави. Во второй части повествуется о коллекционере Льеве Фридланде, который в 1892 г. подарил свою библиотеку еврейских книг и рукописей то-

гдашнему Азиатскому музею Императорской Академии наук (ныне ИВР РАН), о первом хранителе этого собрания Самуиле Винере и о профессоре семитских языков Данииле Хвольсоне, сыгравшем определенную роль в приобретении Публичной библиотекой первого собрания Фирковича и завещавшем Азиатскому музею свою личную библиотеку. Также перечислены семь других источников пополнения еврейского собрания ИВР РАН (с. 64).

В части «Искусство еврейской рукописной книги» описываются свитки и кодексы как формы средневековых книг, процесс их изготовления и используемые инструменты; говорится о колофонах и системах обозначения дат. В конце этой части в «Галерее колофонов» представлены фотографиями и снабжены русским переводом 12 колофонов различных рукописей (с. 107–127).

Часть «Книги людей Писания» знакомит читателя с жанрами, представленными в петербургских рукописях. Это Еврейская Библия и ее переводы на арамейский и арабский; Мишна, Талмуд и галахические компендиумы; молитвенники и сборники средневековой литургической поэзии (*nuoma*); научная литература по языкознанию, философии, этике, логике, а также историческая литература; беллетристика (представлена в книге рукописью стихов Иехуды ха-Леви); повседневные документы, такие как квитанции и письма; брачные контракты. (О средневековых списках еврейских книг и о проблемах, связанных с реконструкцией содержания средневековых еврейских библиотек, см.: *Allony N. The Jewish Library in the Middle Ages. Book Lists from the Cairo Genizah. Ed. by M. Frenkel & H. Ben-Shammai // Oriens Judaicus 1/3. Jerusalem, 2006* (на иврите) и отзыв на эту книгу M. Lavee (*Journal of Semitic Studies* 53. 2008, P. 359–363). Якерсон опубликовал один список книг из Испании, датированный 31 марта 1492 г. (см.: *Yakerson Sh.M. An Unknown List of Hebrew Books // Manuscripta Orientalia 4/1 1998. P. 17–25*), эта публикация не учтена в библиографии Аллони.)

В заключительной главе «Вместо эпилога. О „нарушении“ второй заповеди» (с. 236–237) представлены фрагменты миниатюр, изображающих людей и животных.

Завершает альбом обширное приложение (с. 242–264), содержащее глоссарий научных и исторических терминов, список сокраще-

ний и хронологический указатель артефактов, представленных в иллюстрациях, таблицу русской транскрипции для еврейских слов, список иллюстраций с пояснениями к ним, а также указатели имен, сочинений, географических названий, коллекций, в которых хранятся представленные документы, указатель распределения рукописей по геокультурным зонам, указатель фотографий документов, опубликованных впервые, и указатель материалов письма. В самом конце находится библиография.

Первые две части книги сопровождаются фотографиями документов, связанных с формированием коллекций. Также представлены портреты людей, имевших отношение к приобретению и изучению этих рукописей. По всей книге на полях рядом с текстом помещены биографические данные упомянутых в тексте лиц.

Все современные фотографии артефактов цветные и очень высокого качества. Таким образом, разноцветные украшения и миниатюры рукописей предстают во всем своем великолепии. Каждая фотография снабжена подробным описанием, в котором указаны содержание, происхождение и место хранения объекта. В случае рукописей дается краткая палеографическая информация, рассказывается о профессиональных приемах писцов и об историческом и литературном значении отдельных манускриптов. Изображения документов и рукописей, опубликованные впервые, отмечены особым знаком. Указано, какие тексты публикуются впервые в переводе на русский язык (например, переводы колофонов, с. 107–127, 151).

Альбом адресован в первую очередь широкой публике и знакомит ее не только с коллекциями Петербурга, но и с историей их приобретения, с историей учреждений, хранящих эти коллекции, а также с историей российских евреев и российской иудаикой второй половины XIX в., когда формировались эти собрания. Автор альбома заслуживает похвалы не только за обилие собранных воедино документов, но и за информативный и нескучный текст, в котором еврейские традиции и реалии объясняются доступно и нетенденциозно — как в главном тексте, так и в глоссарии.

Воспоминания автора об отзывах людей, видевших в петербургской синагоге в начале XX в. А. Гаркави и Д. Хвольсона (с. 47 и 61, примеч. 123), не только являются дополнительной информацией о характере этих ученых, но и служат своего рода связующим звеном между теми, кто жил в Петербурге больше ста лет назад, и современным читателем. Такую же связь между переписчиками древних рукописей и читателем создает Якерсон в остроумном современном колофоне в конце альбома (с. 239, см. также придуманное автором благословение на книги, в котором стандартный вводный текст еврейской бенедикции продолжается словами «умудряющий создающих книги и дающий силы сохраняющим их», с. 11 и 237).

Чувствуется любовь автора к изучению еврейских рукописей и книг, а также сбору информации обо всем, с ними связанном. Даже заметна гордость за то, что в родном городе автора хранятся коллекции еврейских древностей, превосходящие по ценности заграничные собрания иудаики. В библиотеках Петербурга хранится значительное количество полных или почти полных рукописных книг самых разных жанров. Еврейские рукописи РНБ составляют 17 870 единиц хранения (с. 45), а количество еврейских рукописей в Петербурге оценивается примерно в 21 000 (с. 237). С. Sirat (*Hebrew Manuscripts of the Middle Ages*. 2000, P. 263) приводит такие данные: РНБ — 15 000 манускриптов и фрагментов; ИВР РАН — 1132 манускрипта. Петербургские коллекции содержат рукописи всех классических еврейских текстов, и ни одно научное издание таких текстов не может считаться полным, если оно не учитывает текстовые варианты этих рукописей.

Во времена советского режима содержание российских коллекций было почти недоступно для исследователей. Своими публикациями материалов из разных библиотек А. Кач (*Abraham I. Katsh*) приподнял завесу секретности (*Catalogue of Hebrew Manuscripts Preserved in the USSR. Part 1* [1957]; *Part 2. Ginze Russiyah* [1958]; *Hebrew and Judeo-Arabic MSS in the Collections of the USSR*; *Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960. Том 1*, с. 421–430 [1962]; *The Antonin Genizah in the Saltykov-Schedrin Public Library in Leningrad* [1963]; *Ginze Mishnah* (1970); *Ginze Tal-*

mud Bavli [1975 и 1979]). Тем не менее собрания иудаики российских библиотек все еще ожидают всестороннего исследования. Из-за отсутствия каталогов коллекций и описаний рукописей мало кто из зарубежных ученых, исследующих ту или иную область еврейской истории и культуры, имеет точное представление о богатстве петербургских коллекций (кроме, конечно, специалистов по еврейской кодикологии и тех, кто работает над критическими изданиями древних текстов). Каталог рукописей ИВР РАН вышел в свет через 60 с лишним лет с того момента, когда И.И. Гинцбург начал его составлять (*Гинцбург И.И. Каталог еврейских рукописей СПбФ ИВ РАН, 2003*). Каталог Гинцбурга описывает 964 рукописи. Однако поскольку они описаны порусски и каталог не имеет указателей, круг использующих его весьма ограничен. На сегодняшний день не существует общедоступных современных каталогов еврейских собраний РНБ — есть только библиотечные описи, а каталоги «Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Erster und zweiter Teil» (ed. A. Harkavy & H.L. Strack) и «Описание самаританских рукописей, хранящихся в Императорской Публичной библиотеке. Описание пергаментных рукописей самаританского Пятикнижия и переводов его. Варианты к самаританскому Таргуму» (изд. А.Я. Гаркави), описывающие часть рукописей первого собрания Фирковича, вышли в 1875 г.!

Специалистов, занимающихся еврейскими средневековыми текстами и библейскими рукописями, порадуют высококачественные фотографии отдельных листов рукописей. Многие из этих фотографий публикуются впервые (№ 4–157, 15–18, 42, 45, 50, 51–52, 59, 60, 63, 64, 67, 70, 72, 80–82, 84, 88, 89, 91, 92–95, 98, 99–102, 104, 113, 115–117, 120, 121). Особенно интересны в связи с этим фотографии листов 124б и 222а знаменитого Вавилонского кодекса Поздних пророков, написанного в 916 г. (ил. 69 и 71). Качество изображения в альбоме не сравнимо с качеством изображения в факсимиле (*Strack H.L. Prophetarum posteriorum Codex Babilonicus Petropolitanus. 1876*) и в репринте этой книги издательством Ktav Publishing House (N. Y.,

1971). Хочется надеяться, что когда-нибудь найдется спонсор для нового издания факсимиле этой и других бесценных петербургских рукописей.

То, что библейские рукописи РНБ уникальны и исключительно значимы, например, для библеистики, становится ясно каждому новому поколению исследователей. С одной стороны, сегодня известно, что большинство полных библейских рукописей, несущих дату до 1020 г., находится в собрании РНБ (см. примеч. 195, с. 134). С другой стороны, уже больше ста лет научные издания Библии используют рукописи, хранящиеся в РНБ. К.Д. Гинсбург (C.D. Ginsburg) в своем издании «Prophetae posteriores» (1911, и во втором тираже «The Later Prophets», 1929) цитировал варианты Вавилонского кодекса Поздних пророков. В издании «Biblia Hebraica», изд. Р. Киттель (Rudolf Kittel, 3-е изд., 1937), цитировались варианты фрагментов генизских рукописей из 2-го собрания Фирковича и собрания Антонина. В монументальном текстологическом издании «The Hebrew University Bible» (The Book of Isaiah, 1995; The Book of Jeremiah, 1997; The Book of Ezekiel, 2004), помимо вариантов «Ленинградской рукописи» и Вавилонского кодекса Поздних пророков, учтены варианты еще 16 полных или частично сохранившихся рукописей РНБ. Таким образом, наибольшее количество рукописей, использованных в самом полном текстологическом издании трех этих книг, хранятся в Петербурге!

В середине 1920-х годов П. Кале (Paul Kahle) предложил использовать текст рукописи первого собрания Фирковича, шифр Евр. I В 19а («Ленинградский кодекс», Codex Leningradensis, фотография листа 60б на с. 155), как самой древней полной датированной Еврейской Библии для издания библейского текста, что и было осуществлено в уже названном издании «Biblia Hebraica». Потом текст этой рукописи использовался в издании «Biblia Hebraica Stuttgartensia» (с 1967 г., 5-е изд. 1997). На сегодняшний день «Biblia Hebraica Stuttgartensia» является самым распространенным научным изданием ТаНаХа, а «Ленинградская рукопись» — возможно, наиболее изученным масоретским манускриптом. Из-за своего значения эта рукопись была два раза издана как факсимиле: Pentateuch, Prophets & Hagiographia. Codex Leningrad B19^A. The

Earliest Complete Bible Manuscript. Ed. D.S. Löwinger (1971); The Leningrad Codex. A Facsimile Edition. Ed. D.N. Freedman (1988). А. Дотан (Aron Dotan) издал текст этой рукописи как *Torah Nevi'im Ketuvim* (1973) и как *Biblia Hebraica Leningradensia*. Prepared According to the Vocalization, Accents, and Masora of Aaron ben Moses ben Asher in the Leningrad Codex (2001). Текст рукописи в электронном виде доступен по адресу [http://www.tanach.us/Tanach.xml#Home]. Отдельных исследований этой рукописи и ее масоры здесь не перечислить. В последние годы ее текст используется в новом научном издании «*Biblia Hebraica Quinta*» (уже вышли в свет тома: 20. Megillot [2004], 18. Ezra and Nehemia [2005], 5. Deuteronomy [2007], 17. Proverbs [2008] — см. отзывы рецензента на первые три названные книги в *Orientalische Literaturzeitung* 102 [2007], 492–501; 103 [2008], 60–68; 105 [2010, в печати]). Для издания «*Biblia Hebraica Quinta*» были коллационированы и другие рукописи из собрания РНБ: рукопись Евр. II В 34 для книг «Екклесиаст», «Плач Иеремии», «Есфирь» и рукопись Евр. II В 17 для «Второзакония».

Из других уникалов РНБ можно упомянуть рукопись Евр. II С 1/1–2 — самый древний и самый полный экземпляр арабского перевода Еврейской Библии, выполненный Саадией Гаоном (ил. 81, 82).

Рецензент предлагает следующие исправления и дополнения к тексту альбома.

С. 60–61. Между этими страницами выпала строка, в которой говорится о переходе Даниила Хвольсона в православие. (Эта досадная опечатка была исправлена во втором издании альбома, 2009.)

С. 111. Правильный шифр рукописи не «Евр. I В 17», а «Евр. II В 17».

С. 129. Перевод еврейского текста «Увещевания Иехуды ибн Тиббона» требует комментария. Поскольку ибн Тиббон по отношению к книжным шкафам и полкам использует метафору «сады и парки», то и в переводе последующих предложений стоит оставаться в рамках ботанических образов. Пятое предложение лучше перевести так: «А если тебе все надоеет и(ли) ты устанешь — переходи из сада в сад, от грядки к грядке, от пейзажа к пейзажу!», а не «...займись перестановкой книг — из шкафа в шкаф, с полки на полку, из ряда в ряд», как у Якерсона (ср. англ. пер.

в указанном Якерсоном издании И. Абраамса (Israel Abrahams) «*Hebrew Ethical Wills*» [Philadelphia, 1954] и с. 53 там же). Бесспорно, перестановка книг собственной библиотеки повышает настроение ее владельца, но такой совет противоречит другим указаниям ибн Тиббона в последующем тексте его наставления своему сыну (с. 81 указанного издания): «Упорядочи все [в твоей библиотеке] надлежащим образом, чтобы ты не утруждал себя поисками какой-либо книги, когда она нужна тебе! Знай ее место в шкафу и ящике! Если ты составишь список книг каждого шкафа и поместишь его на шкафу, чтобы, когда будешь искать книгу, проверить по списку, в каком она шкафу, прежде чем перепутаешь все книги, это весьма ускорит дело. То же сделай и для ящиков!»

Кроме того, глагол *ʿtk* в каузативной породе, переведенный как «переходи» («займись перестановкой» у Якерсона), имеет еще значения «переводить с одного языка на другой» и «переписывать книги». Не исключено, что, используя именно этот глагол, ибн Тиббон также намекает на то, что его сыну следует заниматься переводом книг, о чем он, используя тот же глагол, говорит и в другом месте своего наставления (см. с. 66 указанного издания).

С. 131. Утверждение «Иврит, как и большинство семитских языков, является консонантным» неточно, хотя специалистам ясно, что имеется в виду тот факт, что многие семитские языки используют алфавит, в котором первоначально были графемы только для обозначения согласных.

Там же, о системах огласовок. Самой существенной разницей между вавилонской и «палестинской» (имеется в виду тивериадская, см. с. 132) системами огласовок было то, что они передавали различные произношения иврита. (В третьей системе огласовок, которая называется в научной литературе «палестинской», знаки ставились, как и в вавилонской, над строкой.) На вокализационную систему Вавилонского кодекса 916 г. оказала сильное влияние тивериадская система, и поэтому он не является чистым представителем вавилонской традиции еврейского языка (см. мнение П. Кале в предисловии к уже названному изданию «*Biblia Hebraica*»,

с. XI, и его же в «The Cairo Genizah» (2nd ed., 1959), с. 63, 65, 73, 137).

С. 137, примеч. 204. Имя писца рукописи «Меворах», а не «Меварех».

С. 218. В четвертой строке еврейского текста вместо *ve-hathalah* следует читать *ve-tehillah*.

С. 229. В еврейском тексте брачного контракта не хватает последней строки.

Предложенные дополнения несколько не приуменьшают значение этой информативной и изящно оформленной книги. Не только автор, но и хранители описанных собраний и другие работники этого книжного проекта заслуживают благодарности за то, что сделали часть петербургских коллекций доступной широкой публике. Радует, что и второй том этого издания уже увидел свет: *Урицкая Л.Б.*,

Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея. СПб.: Арка, 2009. Хочется надеяться, что за новой книгой последуют и другие.

Другие рецензии на этот альбом: *Serikoff N.* Journal of the Royal Asiatic Society. 19. 2009. P. 117–119; *Kizilov Mikhail.* Multifaceted Treasure: Jewish Manuscripts of St. Petersburg // *Manuscripta Orientalia* (в печати).

За эту книгу 13 ноября 2009 г. С.М. Якерсон получил Анциферовскую премию Фонда имени Д.С. Лихачева в номинации «Лучшие научно-исследовательские работы по истории Санкт-Петербурга».

В. Голинец